

териалом как способом поиска ответов на конкретные вопросы.

Среди исследователей, задавших перспективное поле исследования, можно указать Ж. Дюмезиля и М. Мосса. М. Мосс известен как автор epochальных, но аморфных работ «О даре», «О технике тела» и как продолжатель дела своего дяди — основателя французской социологии Э. Дюркгейма. В последние годы активную работу в этом направлении ведет английский антрополог Н. Аллен. Он пытается провести связное прочтение различных работ М. Мосса и выявить скрытую за внешней аморфностью логику.

Применяя парадигматическое и синтагматическое деление к социальной реальности, мы получаем возможность сопоставлять и выявлять отношения в объемном мире. Однако, если Дюркгейм и Мосс отталкивались от тотемических родственных связей, то классификация Дюмезиля позволяет рассматривать разнокачественный мир функций. Дюмезиль выявил базовое трехфункциональное деление социальной реальности в индоевропейской идеологии. В одном из ракурсов она представлена как отношение священного, могущественного и производительного (параллель — триадичность античных, скандинавских, индийских богов, структуры Платоновского государства, индийского кастового общества).

Но схема Дюмезиля очень ограничена, она не охватывает многие отношения и не обладает гибкостью. Н. Аллен показывает возможность пятичленного анализа. К трем основным функциям добавляется четвертая — связи с внешним миром. Четвертая функция предстает в двух модусах — позитивном и негативном, что и дает пятичленную структуру.

Позитивный модус представлен образом внешним для каждой отдельной функции, но выражающим их совместность и связность (например, Пуруша в ведических индийских текстах, из тела которого происходят индийские касты). Отрицательный модус выражает наличие Других, не впи-

санных в триадическую схему (например, шудры индийской кастовой системе). Таким образом, выявляется язык, который способен выражать разнокачественные отношения в разных плоскостях, и сопоставлять феномены, принадлежащие, казалось бы, к взаимоисключающим мирам: различные кланы могут быть связаны с тотемическими животными, с частью космоса или с профессиональной деятельностью. При этом, на одной оси анализа они могут рассматриваться как тождественные, например, тотем и человек, а на другом различаться. В этом — отличие архаической классификации социальной реальности от метода работы Р. Барта, который рассматривал отдельные коды различных сегментов реальности (кулинарный код, код одежды т.д.).

В современных условиях наряду с отношениями рядоположенности (синтагматическими), на поверхность выходят ранее редуцировавшиеся отношения качественного выбора. Линейная история (синтагматический ряд), «разбухает» и дополняется позиционированием себя и текущей ситуации в ряду памятных дат и звездных событий (что случилось в этот день сто, двести, триста лет назад), ассоциирование создает дополнительное измерение истории.

Каждая корпорация и фирма стремится создать свой собственный отсчет времени и пространства и навязать его другим через широкую рекламную компанию. Но если в архаике сопряжение различных миров происходило в ритуальной магической практике, то теперь оказались востребованы социальные работники и пиарщики, в задачу которых и входит осуществление связи между разнокачественными мирами. Можно предположить, что язык первобытных классификаций в корректном прочтении позволит диагностировать социальные разрывы и делать видимыми отношения, скрытые в других ракурсах. Но научная рефлексия над подобными тенденциями пока находится только в начальной стадии.

И.Я.Мурзина

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ



Мурзина
Ирина Яковлевна —
доцент кафедры
культурологии
Уральского
государственного
педагогического
университета

В вопросе о существовании региональной культуры можно выделить две наметившиеся сегодня методологические позиции: признание региональной культуры как особого «варианта» национальной культуры и отрицание специфической формы культуры — региональной, подменяя ее понятием «культура региона». За этой дифференциацией — не просто игра слов, но представление о формах и механизмах, которые превращают культуру региона (географически закрепленную, транслирующую основные ценности национальной культуры, отличающуюся только особенностями бытового уклада и характером повседневности) в

региональную культуру (специфический вариант общенациональной культуры, отличающийся по характеру функционирования, продуцирующий свой тип личности, собственную систему социальных и хозяйственно-экономических связей, оказывающую влияние на общенациональную культуру в целом).

Однако далеко не всегда культура региона может перерасти в региональную культуру. *Культура становится региональной* не тогда, когда происходит момент «адаптации» национальной культуры к конкретным условиям жизни людей определенной территории, но *тогда, когда она становится продуктивной* (продуцирует свой способ взаимоотношений человека и мира и связи между людьми, тип личности, систему ценностных ориентиров, формы духовной жизни и артефакты) и *сама начинает влиять на национальную культуру* (прямо — через людей-носителей региональной культуры и косвенно — через созданные артефакты, которые входят составным элементом в образ национальной культуры и репрезентируют как национальную, так и региональную культуру).

Учитывая, что культура — это сложный мир взаимосвязанных элементов, воплощенных как в системе ценностей, так и в артефактах, задача анализа региональной культуры состоит в рассмотрении, *как «ядро» культуры находит свое воплощение в определенных условиях и конкретных формах человеческой жизнедеятельности*. Мы предлагаем рассматривать региональную культуру как своеобразный вариант национальной культуры (назовем ее «материнской»). Региональная наследует ценностно-нормативное ядро «материнской культуры», формы и способы жизни людей, адаптирует к условиям конкретной территории, и на их основе создает свой продуктивный вариант культуры, тесно связанный с национальной, но, при этом, отличающийся от нее.

Обращение к культуре как системообразующему фактору существования конкретной территории позволяет ввести понятия *региональной идентичности и регионального самосознания*.

В пространственно-временных координатах на определенной территории складывается способ жизни, который, как нам кажется, придает краю единство и формирует в его жителях специфическую региональную идентичность.

Исследования идентичности в отечественной и зарубежной науке обнаружили многослойность самого понятия, увязывая его не только с психологическим состоянием субъекта, но и с проблемами личностного роста, с его социальными ролями. Постклассическая традиция, анализируя современный мир как сложное единство многообразных коммуникаций и проявлений, обращает свое внимание на субъекта, действующего и переживающего, а не только как объект внешних воздействий (в терминах современной психологии — Я как «действующее начало» и как «ментальная репрезентация»). Многоплановость личности может быть представлена как единство множественных Я, проявляющихся в разного рода связях, действиях и саморефлексии. Отсюда следует, что понятие идентичности включает и самого субъекта, и контекст его самопроявлений, и его представление о себе самом и окружающем мире. Среди необходимых социально-психологических характеристик идентичности называются самоосу-

ствленность личности, ее жизненная реализованность и пр. Идентичность, таким образом, рассматривается и как понятие, характеризующие уникальную природу человека, и как антропологический контекст человеческой сущности, и как результат реализации внутренней сущности во внешних условиях. Современные исследования в области этнопсихологии стали акцентировать представление об этнической идентичности. Обобщая различные точки зрения, можно сказать, что идентичность — это самоидентификация и самоосуществление личности в определенных исторически сложившихся условиях.

Идентичность формируется под воздействием внутренних и внешних условий. Внутренние условия связаны с миром личности, с теми смысловыми-жизненными ориентациями, которые для нее характерны, иначе говоря — с миром «Я». Идентичность носит ценностно-ориентационный характер и может рассматриваться как одна из форм включенности человека в социальное пространство. На формирование самоидентичности воздействуют различные факторы, среди которых особо значимыми нам кажутся оценки и мнения других людей о человеке. Внешними характеристиками идентичности могут служить атрибуция данного индивида как принадлежащего к определенной национальной культуре, социальной или профессиональной группе и т. п. (идентичность такого рода можно рассматривать в оппозиции Я-Другой). По сути, идентичность является интегрирующим началом личности, обеспечивая его тождественность самому себе и тому образу, на который он ориентируется.

Введя термин «региональной идентичности», попытаемся очертить его границы. Вероятно, под *региональной идентичностью следует понимать связь, которую ощущает житель определенной территории (региона) с местом его жизни, и тип личности, который формируется на данной территории, и в деятельности которого находит выражение «дух региона»*. Эта связь с местом может носить явный или скрытый характер, но обязательно оказывает воздействие на существование человека.

Региональная идентичность может быть описана как внутреннее самоощущение человека (в логике «Я — Такой»). Как правило, обнаруживается тесная связь внутренних качеств личности с местом жительства. Можно предложить типологический ряд, где самоощущение человека передается через его принадлежность к определенной территориальной целостности: москвич, петербуржец, помор, донской казак, уралец, сибиряк, северянин и др. В этих названиях соединяются воедино принадлежность к определенному региональному сообществу и набор личностных качеств, закрепившихся в обыденном сознании (достаточно вспомнить традиционный для культуры советской эпохи образ петербуржца как «старого интеллигента», или сформировавшийся в ходе освоения Западной Сибири и Севера тип северянина — грубоватого «работяги» и отзывчивого человека, готового прийти на помощь).

В последнее время в разных регионах стали появляться исследования, посвященные проблемам региональной идентичности. Анализ работ позволяет сделать вывод, что сугубо «территориальной привязкой» дело не ограничивается. В контексте проблемы региональной идентичности возникает

представление об исторически сложившихся региональных общностях. Среди них можно назвать Сибирь и сибиряков, Дон и донских казаков, Урал и уральцев.

В качестве примера приведем статью, опубликованную не так давно в газете «Восточно-Сибирская правда» под симптоматичным названием «Сибиряки и «сибирство»» (автор — Н. Сверкунова), где с пафосом провозглашается: «Население разных регионов (в географическом, широком понимании) имеет свои особенности, которые отражены в материальной, духовной культуре, менталитете. Но лишь население такой территории, как Сибирь, может претендовать не просто на региональную идентичность, но и на особую региональную общность, которая формировалась в течение трехсот лет ее освоения и экономического, а также культурного развития»¹. И далее приводится показательная «цифра» — более 70% жителей региона положительно относятся к такой постановке вопроса.

Характерно, что последующий экскурс в историю освоения Сибири только подтверждает изначальный тезис о существовании особого типа культуры (сибирского) с особым же типом личности. Позволим себе еще одну цитату: «77,8 % участников опроса о сибирской идентичности в Приангарье считают, что «сибирский характер» существует. Вот основные его качества: выносливость, упорство, честность, благожелательность, искренность, прямотушие, расовая неприступность, демократизм. Кроме того, сибиряки трудолюбивы, немногословны, терпеливы, это люди нескупые, непроданные, уравновешенные, сдержанные, «не поддерживающие распри».

Большее половины из числа опрошенных на эту тему верят в то, что жителей Сибири с «сибирским характером» больше половины современного населения этого края, причем каждый второй считает, что и сам является обладателем «сибирского характера» «в полной мере»².

В статье Р. Туrowsкого «Региональная идентичность в современной России» отмечается, что одним из индикаторов степени регионального самосознания может быть ответ на вопрос, что респонденты считают своей родиной — регион, Россию или бывший СССР. Опрос был проведен Центром социологических исследований МГУ в ряде областей России: в Свердловской области (ноябрь 1998 г.) регион считают своей родиной 36,7% респондентов (Россию — 32,9%, бывший СССР — 27,7%). В Оренбургской области (ноябрь 1998 г.) регион своей родиной назвали 30,6% опрошенных (бывший СССР — 33,4%, Россию — 32,8%), в Липецкой области (январь 1998 г.) — 30,2% (бывший СССР — 31,9%, Россию — 32,6%). В Красноярском крае (декабрь 1997 г.) свой регион считают родиной 42% респондентов, Россию — 29,9%, бывший СССР — 25,6%. Проведенный там же опрос в феврале-марте 1998 г. дал несколько другие цифры — меньшую долю местных патриотов (31,1%), большую — патриотов России (36,8%) и патриотов СССР (30,3%)³.

Мы на протяжении нескольких лет (2000–2002 гг.) проводили микроисследования среди студентов Уральского государственного педагогического университета, связанные с анализом региональной идентичности. При всей нерепрезентативности таких «исследований» (однородная аудитория, учеб-

ная ситуация, небольшой процент студентов, приехавших «из глубинки») результаты были довольно интересными: на вопрос «Считаете ли вы себя уральцем?» подавляющее большинство отвечали утвердительно (в некоторых аудиториях до 90%).

Однако говорить о региональной идентичности в отрыве от представления о принадлежности к более широкой общности — россиянам — некорректно. Предположим, что соотношение региональной идентичности и идентичности общероссийской соотносятся как частное и общее. Человек, ощущая себя гражданином страны (россиянин), осознает свою связь с локальной целостностью, которая для него репрезентирует большое целое. Возможно и обратное, он ощущает свои принадлежность локальному как составному элементу единого целого. В обоих случаях, эта связь видится как неразрывная и взаимообусловленная, дающая представление о т.н. «двойной идентичности».

Можно говорить о двух уровнях: идентичности первого порядка — региональной, и идентичности второго порядка (принадлежности большей общности) — общероссийской. В ряде регионов с этнически относительно однородным населением идентичность региональная может совпадать с этнической (двухступенчатая система), в тех регионах, где население этнически разнородно, региональная идентичность занимает более «высокий этаж», чем этническая (трехступенчатая система). В любом случае идентичность, соединяющая региональный и общероссийский уровни, в сознании современного человека присутствует.

Интересно, что ситуация начала меняться в самое последнее время. Для сегодняшних молодых людей значительно важнее, что они жители России, чем региона. Во многом эта ситуация связана с характером современной культуры (унификация, тиражирование одних и тех же стандартов), устремлениями молодежи «вписаться» в современное социокультурное пространство и укреплением российской государственности.

Несмотря на происходящие изменения, феномен региональной идентичности не исчезает, а, напротив, гораздо более отчетливо заявляет о себе в новой ситуации «открытого» мира. То, что выше мы назвали внешними признаками региональной идентичности, выходит сегодня на первый план. Опозиция «Я — Другие» позволяет описать человека, принадлежащего к определенной региональной общности, как определенный тип (с набором антропологических и социальных и личностных характеристик).

«Классический» пример из жизни современной России — «лица кавказской национальности». Оскорбительное для этнического самосознания понятие фиксирует не только специфический внешний облик человека (антропологические характеристики), но и его территориальную принадлежность (житель кавказских республик), и черты характера (личностные характеристики) и род занятий (социальные характеристики), как их представляет обыденное сознание. Несоответствие, которое обнаруживается при более близком знакомстве с грузинами или армянами, дагестанцами или лезгинами, дает возможность говорить о существовании в сознании современного человека неких стереотипов восприятия «другого», отличающегося местом жительства, цветом кожи,

мировосприятием, национальной принадлежностью.

Но не только национальные различия влияют на образ «другого». Не меньшее значение имеет региональная «привязка». В обыденном сознании, в частности, существует образ «сибиряка» (крепкий крестьянин, недюжинной физической силы), который, безусловно, связан с самоощущением жителей региона, но и зафиксирован внешними по отношению к ним людьми (в том числе в образах героев повестей В. Астафьева или В. Распутина и советских сериалов «Вечный зов» или «Тени исчезают в полдень»).

Возникает вопрос, кто же тот «другой», которому эти образы противопоставлены? По идее, им должен быть представитель другой региональной культуры, но, как ни странно, это скорее «среднестатистический», унифицированный и стандартизированный «одномерный человек» (Г. Маркузе). Он не принадлежит ни русской, ни какой бы то ни было национальной культуре, он «массовый человек», похожий на всех, но не имеющий индивидуального лица. Сравнение с ним дает возможность обнаружить «непохожесть» людей, при-

надлежащих различным культурным сообществам.

В постсоветском пространстве эта тенденция нашла свое выражение в культивировании противопоставления «массового советского человека» — человеческой индивидуальности. Однако индивидуалистический пафос оказался воспринят далеко не всеми. Возникший в логике другой культуры, он не «вписался» в сознание современного россиянина, оставив некую лауну. Мы думаем, что это традиционное осознание человеком себя частью целого. Кризис идентичности современного человека разрешается, в том числе и в ощущении принадлежности некой устойчивой целостности.

Таким образом, региональная идентичность создает возможность для человека осознать собственную значимость, в том числе и как части определенного сообщества, ощутить свою принадлежность малой и большой родине.

¹ Сверкунова Н. Сибиряки и «сибирство» // Восточно-Сибирская правда. — 2000. — 7 октября.

² Там же.

³ Туровский Р. Региональная идентичность в современной России // <http://pubs.carnegie.ru/books/1999/09ar/default.asp?n=03.asp>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МАТЕМАТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ВНЕЭМПИРИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Н.В. Головки



Головки Никита Владимирович — кандидат философских наук, научный сотрудник ИФПР СО РАН, зам. декана философского ф-та НГУ

Статья представляет собой краткое изложение доклада, сделанного на XXI Всемирном философском конгрессе.

Необходимость обоснования истинности гипотез и существующих концепций в условиях недостаточности эмпирических данных в таких фундаментальных разделах физики, как космология и физика высоких энергий, приводит к постановке комплекса проблем внеэмпирического обоснования научного знания. Это обусловлено тем, что в названных разделах физики существуют принципиально ненаблюдаемые объекты (кварки, темная материя и т.д.). Отсюда — косвенная (не прямая) подтверждаемость самих теорий и связанное с этим обилие исключительно математических моделей исследуемых феноменов.

Разработка комплекса проблем внеэмпирического обоснования научного знания в данном случае может рассматриваться как одна из попыток ответа на вопрос — способны ли мы обеспечить обоснованность нашей веры в адекватность науч-